

публике. Я составил план статьи и засел за работу. В результате каждый пункт плана стал вырастать в отдельную главу. Родионов деликатно поторапливал. Главы множилось, как инфузории. Сначала сочинились шесть глав, потом двенадцать, позже замаячили двадцать четыре. Процесс становился неуправляемым, как наводнение. Короче, в Елфимовскую книгу вошли семь глав под нейтральным заголовком «Барнаул. Архитектурные этюды». В журнале «Алтай» за 2010 год были опубликованы шестнадцать глав под более содержательным названием «Барнаул. Истоки волонтаризма в архитектуре». Я вот размышляю, скольких людей вдохновил Александр Родионов на схожие поступки? И скольких людей он заставил задуматься о смысле и цели их существования?

Через пару лет мы с Михалычем возвращались с очередных Шукшинских чтений. В дороге раздался телефонный звонок, и я остановился на обочине. Моя супруга просила привезти ей букет полевых цветов. Мой спутник всё слышал, вылез из машины и надрал у дороги огромную охапку разнотравья. Те цветы заполнили всё пространство нашей квартиры, на них прилетали бабочки, их грыз кот, наконец, они высохли и переместились на лоджию — жена упорно их сохраняла. Следующим летом я уехал с друзьями в предгорья на этюды, а вернувшись домой того букета не обнаружил. Оказалось, от него, наконец, избавились. В тот же час раздался звонок сотового телефона. Мне сообщили, что Родионова больше нет. Дальше вы всё знаете

Сергей Ужакин, «Монетный двор на окраине Российской империи» (доклад).

На Первых Родионовских чтениях летом 2013 года я рассказал о последнем совместном книжном проекте с Александром Михайловичем. Его логика вытекала из работ писателя о Сузунском монетном дворе и чеканке Сибирской монеты. В последнем его сборнике «Одиноке дело мое» есть очерк по данной теме, который так и называется «Сибирская особливая». Тот проект так и остался в архивных работах, а планировался следующим образом. Александр Михайлович брался более основательно раскрыть техническую и организационную сторону дела. Он как никто другой изучил все, что связано с мастеровой жизнью, а мы брали на себя обязательство подробно раскрыть политическую и эмиссионную подоплеку чеканки первой российской региональной монеты. Исполняя свой долг перед Александром Михайловичем, мы не бросили тему, оттолкнулись от его мыслей и текстов, довели ее до некоторого логического завершения. Краткое изложение подготовленного материала я вам предлагаю.

*Монета сибирская номиналом десять копеек. Год выпуска 1779 г.
Из частной коллекции.*

Жарким июньским днем в лето 1766 г., в новую крепость, что встала в сибирской глубинке на берегу реки Сузун, из Барнаула прибыла большая группа горных офицеров и окружного начальства. Предстояло открытие нового монетного двора Кабинета ее императорского величества. Отстояли молебен, священники из главного барнаульского храма Петра и Павла окропили святой водой все строения и станы. По приказу начальника двора подняли створы на шлюзовых прорезях, и вода, разгоняясь по желобам, ударила в рабочую плоскость колес, давая ход всем работам. Встали по местам горные офицеры, надели кожаные фартуки подневольные слесари и кузнецы, завод загудел своими печами и задымил трубами. Как только в ход пошли станки, сразу провели первый опыт, перечеканив в монету 136 пудов меди.

Партия удалась, Андрей Иванович Порошин начальник Колывано-Воскресенских заводов с вардейном (чиновником, ведающим монетным производством) выбрали из каждого номинала наиболее удачные экземпляры отправили в Санкт-Петербург, на «апробацию». Месяц ушел на то, чтобы с курьером доставить ценный пакет в столицу. Президент Берг-коллегии¹ Иван Андреевич (Иоганн Вильгельм) Шлаттер представил содержимое кабинетским начальствующим особам, а позже и самой императрице Екатерине II. Монетам, доставленным из далекой Сибири, была дана самая высокая оценка, и императрица высочайше разрешила – чеканить! Важный указ

¹Берг-коллегия – орган по руководству горнорудной промышленностью в России. Учреждена в 1718 г. по инициативе Петра I.

с фельдъегерской службой поспешил в обратную сторону, на Алтай. Письмо в горной канцелярии ждали, и когда в начале осени пакет доставили, то горнорудный Барнаул, именуемый по тем временам «Уголком Петербурга», облетела радостная весть – монетному двору быть!

Дождались своего часа начищенные до блеска чеканы, пришло время накопленной меди, и зазвенели по всей Сибири новые монеты Российской империи. Так с 1766 г. началась чеканка Сибирской серии, которой в финансовой системе государства Российского принадлежит особое место. Поначалу на заводе чеканились монеты достоинством 10, 2 и 1 копейка, деньга и полушка, затем 10, 5 и 2 копейки, а с 1781 г. – только 10 и 5 копеек. В отличие от общероссийских медных монет, где самой крупной был пятак, сибирские монеты дополнились 10 копейками (гривенником), которые весили 65,5 г. Самая легкая монета – полушка – весила 1,6 г. На аверсе монеты изображен вензель императрицы Екатерины II: под короной буква «Е» с вплетенной в нее римской двойкой в обрамлении лавровой и пальмовой ветвей. Под вензелем обозначение монетного двора. На реверсе изображение герба Сибирской губернии: под короной на задних лапах стоят два соболя, держащие лук и две перекрещенные стрелы остриями вниз, а также номинал монеты и год чекана. Современники, выпущенную на далеком Алтае монету так и называли – «Сибирская особливая».

Какие же политические и экономические силы дали жизнь этому государственному проекту и привели в движение удивительное монетное производство? Почему затерянный в Сибири совсем небольшой завод, в XVIII в. стал важным звеном эмиссионной и платежной системы нашего государства? Почему Сибирская серия, появившаяся на свет во времена Екатерины II, стала первой и единственной российской региональной монетой? (Забегая вперед, отметим, что в России подобные монеты появились лишь в начале XIX в. в виде национальных серий: 1804 г. – Грузия, 1815 г. – Польша, 1863 г. – Финляндия.)

Общеизвестно, что в допетровский период Россия, как и многие государства Европы, испытывала недостаток в драгоценных металлах: золоте, серебре и даже ходовой меди – самой простой основы для розничной монетной мелочи. В годы правления Петра I, с открытием на Урале серебро- и медеплавильных заводов, ситуация постепенно стала меняться к лучшему. К этому же времени на юге Сибири были разведаны большие рудные запасы. Почувствовав силу рудного Алтая, Акинфий Демидов в 1726 основал Колыванский завод – первое медеплавильное производство за Уралом. Это небольшое предприятие не только существенно повлияло на положение по выпуску металлов

в России, но и послужило точкой роста для промышленного развития региона. Со временем производство расширилось, были разведаны новые запасы, открыты рудники, отчего Колывано-Воскресенский округ (названный в честь старейшего на Алтае завода) стал давать до 90% серебра, выплавляемого в государстве. Естественно, что горнорудное и сереброплавильное производство Сибири стало быстро приобретать стратегическое значение.

В 1745 г. весь комплекс перешел в государственную собственность под управление Кабинета министров. Перед высшей исполнительной властью сразу встала сложная задача по финансированию алтайских рудников и заводов, поскольку с расширением производства серебра затраты на содержание и развитие отрасли возросли. Если в 1747 г. Кабинет министров выделил алтайским предприятиям 60 тыс. руб., то в 1761 г. «потребная» сумма составила уже 120 тыс. руб.¹ На месте их получить было неоткуда, а при доставке денег из метрополии существенное влияние оказывали российские расстояния. Они сдерживали не только промышленное развитие Сибири, но и мешали стабильности функционирования валюты. Достаточно произвести простой расчет, чтобы понять всю сложность перевозки медных денег из Екатеринбурга на Алтай. Так: 16 руб. монетами весили один пуд (16 кг), а 120 тыс. руб. соответственно – 7500 пудов. Следовательно, для подкрепления годовой потребности в наличности на Алтай необходимо было снаряжать охраняемый обоз почти в 300 подвод.

Ситуация осложнялась еще тем, что в Сибири в начале XVIII в. во многих местах сохранялось архаичное денежное обращение, известное со времен Киевской Руси, т. е. хождение монет других стран, а порой даже использовался эквивалент денег – платежи кунами и векшами (собольими и беличьими шкурками). Государству требовалось кардинальное решение проблемы денежного обращения на периферии Империи. Именно поэтому вступившая на трон Екатерина II в 1762 г. поставила вопрос о финансировании сибирских заводов. Действительный статский советник Иван Андреевич Шлаттер крупный знаток монетного дела и денежного обращения, коему было поручено решить данный вопрос, впервые обосновал возможность чеканки особой, отличной от общегосударственной, сибирской монеты. Он предложил чеканить из алтайской меди деньги с таким расчетом, чтобы они покрывали все расходы на содержание Колыванских заводов и монетного двора. Новая монета, по его расчетам, должна была ходить только на территории Сибири.

¹ Агапова Т. И. *Возникновение и развитие кабинетного хозяйства на Алтае в XVIII в. «Сибирь периода феодализма». Вып. 1. Новосибирск. 1962. С. 213.*

С целью изучения потенциальных возможностей региона Кабинет ее императорского величества 8 февраля 1763 г. направил запрос в Барнаул, в канцелярию Колывано-Воскресенского горного округа, о запасах сырья и возможности чеканки монеты в Сибири. Весьма скоро был получен доклад, из которого следовало, что в горном округе на Алтае имелись значительные запасы – до 30 тыс. пудов уже готового монетного сырья, хорошие перспективы получения меди при выплавке серебра и весомые условия для налаживания производства.

О важности полученного сообщения свидетельствует тот факт, что в ноябре 1763 г. повелением императрицы, «для всенародного известия», была дозволена организация монетного производства на Колывано-Воскресенских заводах. Указ императрицы гласил: *«Понеже же имеющаяся в Сибири на собственных наших Колывано-Воскресенских заводах как ныне наличная, так и от ежегодной сплавки серебряных руд, получаемая серебристая и золотистая медь по причине великих неудобств, трудностей и иждивений в перевозе оной сюда, а наипаче в рассуждении вынятия из нее содержимого золота и серебра может оставаться втуне и без всякой пользы; того ради за весьма полезно быть рассудили мы и повелели всю ту медь переделать там на месте в особливую медную гривенную, пятико-пеечную, грошевую, копейную и полушечную монету... И дабы сия новая медная монета во всяких казенных и партикулярных сборах и платежах хождение и обращение свое имела невозбранное только в одной Сибирской губернии, а в прочих губерниях хождение не иметь».*¹

Территория обращения сибирских монет определялась границами от города Тары (ныне – Омская область, недалеко от Иртыша) и до Камчатки. Всего сибирских монет, по оценкам некоторых специалистов, было выпущено на сумму 3 799 661 руб. На это ушло 152 тыс. пудов серебристой меди, 1 273 пуда серебра и 11,5 пуда золота.

Данное политическое решение родилось не на пустом месте и потребовало серьезных технологических, инженерных и финансовых расчетов. Следует отметить, что в то время на российских заводах для чеканки монеты использовалась тут же добываемая медь. Так, на том же Сестрорецком заводе, что на окраине Петербурга, в передел уже шли устаревшие артиллерийские орудия, и даже пришедшая в негодность бытовая медь. Алтайская же медь была особенная: в монетное дело запускалась медь, получаемая в качестве побочного

Именной Указ императрицы Екатерины II 11983 от 5 декабря 1763 г. «О хождении новой медной монеты, сделанной в Сибири на Колывано-Воскресенских заводах, во всяких казенных и партикулярных сборах и платежах в одной только Сибирской губернии». Полное собрание законов Российской империи, том 16 / Цит. по metal-chemst.livejournal.com/86144.html

продукта от сереброплавильного производства. В серебряной руде Алтая содержание меди было невероятно велико: от 6 до 10%, а, к примеру, в уральской руде – чуть более 2%.

Специфика производства на Алтае была такова: после первой плавки на заводе вначале получали некие полупродукты, с содержанием меди и серебра. Далее серебро изымалось, а неочищенная медь скапливалась при заводах. После отделения алтайская серебристо-золотистая медь содержала 0,79% серебра, 0,03% золота и 99,18% чистой меди. Исходя из существовавших тогда цен, получалось, что пуд меди указанного выше состава стоил 15 руб. 33 коп. Поэтому чеканить из нее монеты по стопе¹, принятой для монет общегосударственных, равной 16 руб. из пуда меди, по мнению барнаульской заводской канцелярии, было «...не только убыточно, но и сожалеательно, ибо в ней немалое число серебра и знатная частица золота».

Если из пуда обычной меди стоимостью 6 руб. за пуд в Екатеринбурге получалось монет на 16 руб., то из пуда серебристо-золотистой алтайской меди, стоимость которой была в 2,555 раза больше и составляла 15 руб. 33 коп. за пуд, предполагалось чеканить монет общим номиналом большим в соответствующее количество раз (примерно на 40 руб.). Но затем было решено выпускать монету по новой стопе – 25 руб. из пуда, которая была получена не из цены металла, содержавшегося в пуде алтайской меди, а из стоп золотых, серебряных и медных монет того времени. Так, содержащиеся в пуде 129,402 г серебра были оценены в 7 руб. 35,59 коп. (стопа из фунта серебра 72-й пробы равнялась 17 руб. 66,67 коп), золото – 1 руб. 1,02 коп. (золотой 10-рублевик содержал 15,160 г чистого золота), медь скалькирована в 15 руб. 87 коп. (как упоминалось выше, стопа пуда меди стоила 16 руб.). В силу того, что из пуда меди монет необходимо было чеканить больше, они становились меньше по размеру и, соответственно, легче. Для обоснования законности устанавливаемой стопы, необычной для медных монет, правительство приняло решение делать на сибирских монетах больших номиналов надпись «Колыванская медь», которую потом заменили аббревиатуры «КМ» на аверсе монет всех номиналов.

После произведенных расчетов можно было приступить к организации производства. Однако для выпуска монеты в Барнауле имелась технологическая сложность – одновременное производство серебра и медных монет было затруднительно. Такой процесс неизбежно привел бы к прекращению первого производства и необходимости полного технического переоборудования. Поэтому было принято

Монетная стопа – нулизматический термин, которым обозначается точное количество монет одного и того же номинала, которое может быть отчеканено из определенной единицы металла.

решение построить новый Колыванский монетный завод неподалеку от Барнаула, в 127 верстах на притоке Оби реке Нижний Сузун. Название «колыванский» применительно к Сузунскому монетному двору возникло еще на той стадии, когда власти ни в Барнауле, ни в Петербурге не знали, где будет построен двор, и в документах тех лет будущий монетный двор именуется условно – Колыванским, поскольку заводы были Колывано-Воскресенские.

Место для строительства было выбрано весьма подходящее: на реке достаточный запас рабочей воды, рядом природные строительные материалы и большой массив соснового леса. Для строительства использовался местный известняк, бутовый камень. Огнеупорный кирпич для плавильных печей делали из глины, взятых в 35 верстах от Сузуна. Рядом ломали кварц и применяли в смеси с глиной при производстве огнеупорного кирпича и на засыпку подов печей. Плавка велась на древесном угле, а потому производство требовало большое количество дров. Кроме этого древесный уголь был необходим для производства кирпича и отопления помещений. Но массив Сузунско-Инского бора был столь велик, что сырью заводу хватало даже до конца XIX века.

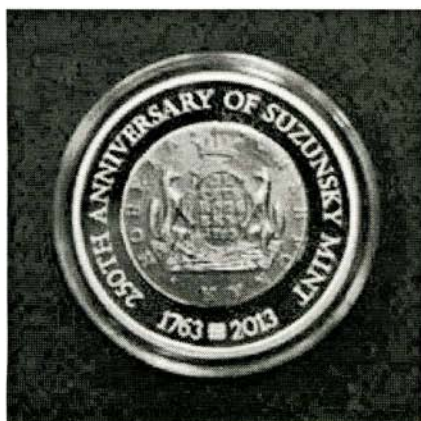
На реке соорудили крепкую плотину на десять шлюзов. Пониже ее, как и в Барнауле, вначале обосновали крепость огражденную частоколом площадку размером 108 на 260 саженей. Внутри крепости в 1765 г. был построен сам завод, который состоял из деревянной плавильной фабрики длиной 30 и шириной 11 саженей с 12 горнами и оборудованием; еще в нескольких помещениях были склады для металлов и припасов. Производство обслуживалось десятью вододействующими колесами. Тут же, в заводе были социальные и охран-ные объекты: школа, госпиталь, амбары для провиан-та, гауптвахта.

Главное сооружение собственно монетный двор был обнесен отдельным трехсаженным забором, в котором были устроены единственные ворота. Это была крепость в крепости. Для строящегося монетного двора с Ирбитского (Урал) завода в Сузун привезли оборудование (пружины для прорезных станков), из Екатеринбурга – станки для производства монет (общий вес – свыше 1920 пудов).

Производство монет в те годы было организовано следующим образом. Медь из Барнаула поступала сюда в «штыках» (слитки), которые разогревались в горнах и расковывались колотушечными молотами в полосы. Готовые полосы вновь нагревали, чтобы снять остаточное напряжение отковки, резали на части, затем вновь грели и прокатывали на плющильном стане до требуемой толщины. Из этих полос на прорезных станках вырезали (выбивали) монетные кружки.

Их отжигали на чугунных сковородах, очищали от окалины, травили, мыли, сушили, а затем передавали на гуртильный станок, где на ребро монеты – гурт наносили надпись: в первые два года (1766 – 1767 гг.) – «колыванская медь», а в последующие года наносился узор – рубчики. После этих операций кружки осматривали, взвешивали и отправляли в чеканку. На монетных прессах кружки устанавливались между неподвижной матрицей снизу и подвижным пуансоном сверху. Пуансон и матрица представляли пару штемпелей, на которых были вырезаны лицевая (аверс) и оборотная (реверс) стороны монеты. Путем давления обратный рельеф штемпелей переводился на монетный кружок. После чеканки монеты осматривались, браковались, считались и сдавались представителю главного командира Колывано-Воскресенских заводов по весу.

Для организации производства к заводу прикрепили десятки деревень с соответствующей рабочей силой и со снабжением провиантом. На строительстве завода было занято 229 заводских служителей и 838 пеших и конных крестьян. В 1766 г. после его пуска в Сузуне числилось 138 мастеровых, из них монетчики составляли третью часть. 2 сентября 1766 г. канцелярия заводов рапортовала в Кабинет о возможности открытия денежного пере-дела. С этого времени и на протяжении 150 лет Сузунский комплекс работал уже без остановок, постоянно выплавляя медь, периодически – серебро и свинец, чеканя медные монеты.

Памятная монета островного государства Ниуэ. Чеканка заявлена в честь Сузунского монетного двора. На внутреннем образе Сибирской монеты указан год 1763, что не соответствует действительности. В этом году был издан указ об основании завода, но монеты не чеканились. Среди нумизматов ходит несколько фальшивых монет с данным годом чеканки. Первая пробная серия отчеканена в 1764 году, промышленна чеканка начата в 1766 году.

Из частной коллекции.

Указом от 7 июля 1781 г. Сузунскому заводу было предписано перейти на чеканку медных общероссийских монет. С этого времени чеканка Сибирской монеты была прекращена, а Сузун перешел к выпуску общероссийской монеты. В первый год работы в Сузуне было выплавлено 5830 пудов меди, на монету было употреблено 929 пудов и чеканено из нее сибирской монеты на 23 227 руб. 52 коп. С 1766-го по 1781 г. в среднем в год чеканилось монет на примерно 250 тыс. руб. Сибирская монета обеспечивала единое государственное обращение от Зауралья до Камчатки. За весь пятнадцатилетний период существования сибирской монеты было начеканено (по разным источникам) от 3,6 млн руб. до 3,8 млн руб. При этом на содержание всех Колывано-Воскресенских заводов Канцелярия из-расходовала чуть меньше 3 млн руб. Таким образом, благодаря Сузунскому монетному двору была обеспечена бесперебойная работа всех алтайских рудников: Богоявленского, Воскресенского, Гольцовского, Карболихинского, Чагырского, Локтевского, Таловского, Николаевского, Золотушинского, Сугатовского, Белоусовского, Змеиногорского, Барнаульского сереброплавильного завода, да еще была получена немалая прибыль.

В 1847 г. произошедший по недосмотру большой пожар полностью уничтожил Сузунский монетный двор. Восстанавливать его для казны уже было не прибыльно. Управление заводов передало уцелевшие после пожара маточники и штампы Барнаульскому краеведческому музею, где они покоятся до сих пор. Эти молчаливые экспонаты напоминают нам, как трудом монетного завода на далекой окраине империи было обеспечено надежное наличное денежное обращение, а Сибирь и Дальний Восток надежно влились в единую финансовую систему Государства Российского. Сегодня следов от завода почти не сохранилось, разве что случайному путнику откроется у дороги кусок плавильного шлака, напоминая, что когда-то здесь в печах плавил медь и сибирские мастеровые обращали ее в звонкую монету с державной статью соболей.

История чеканки «сибирской монеты» представляет несомненный интерес в понимании геополитических и экономических процессов, связанных со становлением и развитием государства российского. Выпуск Сибирской монеты позволил вовлечь в единую денежную систему слабо связанные регионы от Урала до Камчатки. Благодаря ей Сибирь и Дальний Восток были присоединены к Российской империи не только физически, они окончательно стали неотъемлемой частью единого экономического пространства великого континентального государства. Значимость этого уникального события в мировом сообществе не забывается и в наши дни. Так, по инициативе новосибирских бизнесменов в 2012 г. Британским Содружеством под эгидой маленького островного

государства Ниуэ была выпущена памятная серебряная монета. На аверсе монеты идентично отражен образ десятикопеечной «сибирской монеты» с надписью «Колыванская монета».

Сергей Тепляков:

У нас тут завязалась литературная дискуссия. Виктор Петров хочет сказать кое-что по поводу «Князя-Раба»...

Виктор Петров, (реплика):

Был вопрос, почему Петр Первый у Александра Михайловича отрицательный герой. Родионову не нравилось не то, что реформы проводились, а то, что проводились с жестокостью. Он много корректировал «Князь-Раб», особенно вторую часть. Кое-где была двойная резьба. В чем? Оправдать как-то Гагарина? Я дословно не помню, но у Родионова фискал Фильшин по дороге из Тобольска размышляет: «река – это стихия водная. Весной надуется, летом разок от горной воды. А воровские реки – они даже и льдом не подернутся, круглогодные. И все потоки греха – против государственного интереса, вопреки природного рельефастекались в воображении фискала к высокояристому Троицкому мысу, на котором утверждён был дом Гагарина. Поток обдуманного и выверенного лихоимства тайно вел через Уральский камень не к Москве, а из Москвы, по проложенному губернаторскому руслу. Для Москвы воруем. А теперь вот еще один подсвинок объявился – Петербург. Попрожорливее матки становится. Стой, стой одернул свои мысли фискал. Тогда выходит, что и губернатор не вор вовсе? А кормилец матушкин?» Понимаете, уже когда это было написано, Родионов вложил этому Фильшину некое оправдание Гагарина. А почему?

Когда Костылев возвращался, попросил спутников обождать во дворе, вошел – в углу за станочком ткацким сидела жена. Солнце светло ей по волосам. Она ткёт и у Родионова написано: «И не было в той ткани случайной нитки». Вот эта концовка – и о Родионове. Не было у него случайной мысли, случайного предложения, случайного слова во всем романе «Князь-Раб».

Лариса Вигандт, «Последние записные книжки А.М. Родионова» (доклад).

Я временно располагаю записными книжками А.М. Родионова, относящимися к 2010, 2011, 2012 и 2013 годам – т.е. последним четырем годам жизни писателя. Они представляют собой узкие горизонтальные планинги на спирали, разлинованные под ежедневник. Отличие от